

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Л. С. Соболева

«ПОВЕСТЬ ОБ АЗОВСКОМ ОСАДНОМ СИДЕНИИ»: ПЕРМСКИЙ СПИСОК 1778 г. В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О КАЗАЧЕСТВЕ

Важнейшим аспектом исторической памяти, нашедшим выражение в рукописной библиотеке строгановских крестьян, явилась высокая оценка казачества в жизни русского государства. В народном сознании понимание феномена казачества было полисемантическим. Возникновение на первый взгляд взаимоисключающих значений было обусловлено тем, что они были связаны с различными историческими периодами, но по свойству устной памяти, не замечающей анахронизмов, слилось воедино¹. Появление этой силы на исторической арене оказалось интригующе противоречивым. Начиная с XV в. формирование казачества происходило вне полного контроля со стороны центральной власти. По различным причинам отток населения на Дон и нижнюю Волгу был в большей степени стихийным, и правительство реальных механизмов воздействия на казачество некоторое время

¹ Казачество — военное сословие в России, несшее военную службу на окраинах страны и пользовавшееся особыми правами и преимуществами. За казачьими войсками были закреплены земли в обширных размерах, что закрепляло чувство независимости. К примеру, за войсками Донским и Уральским были закреплены те земли, которые были заняты ими самими. Донское казачье войско, наиболее многочисленная часть казачества, образовалось в основном из крестьян, бежавших из центральных районов Русского государства и создавших в XV в. между Азовом и рекой Медведицей общины вольных казаков. Во второй половине XVI в. войско располагалось по нижнему течению Дона, к концу XVI в. — на протяжении 800 километров по Дону и его притокам. Донское казачье войско пользовалось широкой автономией, имело выборного атамана и других должностных лиц. Правительство с конца XVI в. использовало донских казаков для защиты южных границ. За службу (с 1618 — ежегодно) им выдавалось жалование хлебом, сукном, порохом, свинцом, деньгами. В 1671 Донское казачье войско впервые приведено к присяге на верность царской службе. [см.: История казачества, 1995, I].

не имело. Результатом стала репутация казаков как «татей и разбойников», которую усиленно поддерживала центральная власть. В то же время казачество, по мнению историков, было фактически самоорганизующейся военной силой, которую можно было с успехом использовать против османо-турецкой экспансии. Донская земля не входила в Московское государство, и казаки имели собственные органы власти, хотя время от времени (1590, 1630, 1660) Москва налагала опалу на казачество.

В феномене казачества присутствовали черты, свойственные пограничному народу, устремленному за горизонт (территориальный и ментальный). Вести жизнь, полную опасных военных набегов (речных, морских и сухопутных), без поддержки со стороны государства мог не каждый, психологически казак должен был отличаться от человека традиционного сословного общества. С. М. Маркедонов отмечает, что казачеству были присущи признание внесословных ценностей, этническая и конфессиональная терпимость [см.: Маркедонов, 2004, 104]. В вышеупомянутом исследовании казачество рассматривается как одно из первых образований гражданского общества, независимого от центральной власти. В представление о характере казачества наряду с обязательными вольнолюбием и авантюризмом входили такие качества, свойственные мужскому поведению, как храбрость, верность, честность, чувство собственного достоинства. Вместе с тем внутри казачества спланивающими факторами становятся демонстративная любовь к Русской земле, верность православию, служба не по обязанности, а по долгу и убеждению.

В Урало-Сибирском регионе казачество имело особый статус с конца XVI в.: казаки были завоевателями Сибирского царства Кучума. О популярности образа Ермака на Урале и в Сибири свидетельствовал в середине XIX в. П. И. Небольсин, описывая путешествие из Петербурга в Барнаул. «В Тобольской и Пермской губернии нет зажиточного дома, в котором бы не висело Ермакова портрета или на холсте, или на дереве, а большею частью на железе, на подносах», — отмечал историк специфику изображения Ермака в прикладном искусстве Урала [Небольсин, 1840, 10]. Поход Ермака с дружиною послужил основой для многочисленных литературных произведений в жанре исторических и летописных повестей, создание которых в письменности будет продолжаться на протяжении полутора веков (с конца XVI до первых десятилетий XVIII в.). Среди них по меньшей мере два остро концептуальных произведения были созданы в Строгановской вотчине (XVII в.). Это так называемая Строгановская летопись и Кунгурский летописец. Из всего многообразия проблем и мнений, касающихся воплощения казачьего похода в упомянутых памятниках литературы², отметим наиболее существенные аспекты, характеризующие словесную культуру этого региона.

Среди исторических повествований о походе Ермака именно эти два памятника в наибольшей степени оказались связаны с устной культурой слова. Для фоль-

² Об историографии вопроса и систематизации концепций русских и советских историков см.: Горюшкин, Миненко, 1984.

клора описание деяний Ермака оказалось благодатной темой, давшей простор народной фантазии, и тексты об исторической личности, ставшей народным героем, были известны как в Волго-Донском, так и в Урало-Сибирском регионах. Многогранность понимания деяний Ермака и его оценка в фольклорных преданиях очерчены в исследовании В. В. Блажеса, в котором, в частности, указывается, что более всего народу импонировал Ермак-разбойник, основатель «камской вольницы». В ряде преданий исполнители представляют его как борца «против социального зла». Обнаруживаются и древнейшие представления, соединяемые с именем героя: Ермак — чародей, подчинивший себе неведомую силу, Ермак — культурный герой, основатель многих поселений, названных его именем, Ермак — помощник Ивана Грозного в борьбе с иноземцами, покоритель «некрещеного» населения Прикамья и Приуралья и т. п. [см.: Блажес, 2002, 181—183].

В статье Н. А. Дворецкой отмечается, что фольклорные тексты особое приращение питали к той части биографии героя, которая была связана с казачьей вольницей, народно-поэтические тексты подчеркивали инициативу самого Ермака в организации Сибирского похода [см.: Дворецкая, 1958, 330—334].

В Строгановской летописи XVII в., о которой известно, что она создана в Соли Вычегодской (вотчина Строгановых)³, появляется развернутое повествование о казачьей вольности, преследовании их царем Иваном Васильевичем и добровольно принятом казаками решении верной службы царю [см.: Сибирские летописи, 1907, 1—104]. В словах летописи: «с л ы ш а х у (здесь и далее в цитатах разрядка наша. — Л. С.) бо сия Семень, Максимъ и Никита Строгановы отъ доверенныхъ людей о буйстве и храбрости поволскихъ казаковъ и атамановъ Ермака Тимофеева с товарищи, како на Волге на перевозехъ Нагайцовъ побиваютъ и Ардабазарцовъ грабятъ и побиваютъ. И тип людие слышавъ то про ихъ буйство и храбрость, и людей своихъ с писаниемъ и з дары многими послаша к нимъ, дабы шли к ним в вотчины ихъ в Чюсовские городки и в острошки на спомогание имъ», — явственно присутствует тема воссоединения казаков с отечеством.

Идея честного и верного служения государю, олицетворявшему собой Русь, становится одной из доминирующих в памятнике. Ее развертывание предстает в решении казаков воевать с Кучумом, невзирая на страх перед огромным войском сибирского хана. Автор летописи в речи, которую произносят казаки перед решающей битвой с Кучумом, превозносит патриотическое желание казаков вступить в битву не ради военной добычи, а храня верность данному слову: «Вспомянем, братие, обещание свое, как мы честнымъ людемъ предъ Богомъ обѣты и слово свое даша, и уверившееся крестнымъ целованьемъ, елико всемогий Богъ намъ по-

³ Мнения о времени появления Строгановской летописи довольно сильно колеблются. Наиболее распространены две точки зрения: либо 30-е гг. XVII в. (А. А. Введенский, В. Н. Сергеев), либо 70-е гг. этого же столетия (Д. С. Лихачев, А. И. Андреев и др.). Датировка А. А. Введенским одного из списков основной редакции по филиграну «кувшин» дает верхнюю границу появления текста — середина XVII в. [см.: Введенский, 1962, 67—69].

мощи подастъ, а отнюдь не побежати, ходя до единого вѣсьмь умрети, а вспять возвратитися не можемъ срама ради и преступления ради слова своего, еже с клятвою объѣщаемся...» [Сибирские летописи, 1907, 22]. Утверждая патриотическое значение ревностного служения казачества царской власти, автор противопоставляет этому предательство князьков в войске Кучума.

Мотив честной службы и предательства разворачивается в сюжете летописи, где государь, фактически без серьезных на то оснований, обвиняет Строгановых, в связи с уходом Ермака навстречу татарскому войску, в предательстве. Переживания Строгановых по поводу напрасных подозрений должны представить уральских землевладельцев как верных слуг государя, исполняющих свой долг защиты границ русского государства и расширения его территории⁴. Вольное казачество и слуги государя (к таковым относят себя Строгановы) объединены общей бедой, общим подозрением, необходимостью доказывать свою преданность. Результатом победы Ермака в Строгановской летописи являлось не только покорение царства Кучума и приобщение Сибири к территории православного государства, но и снятие со Строгановых обвинения в измене и доказательство верности и бескорыстия казаков, отстаивающих интересы русского царя и Русского государства.

Все сибирское летописание, а Строгановская летопись в особенности, формировали в казачестве чувство сопричастности к судьбе Отечества. В сочетании с общепризнанным вольнолюбием это привело к формированию казачьей идентичности. Тема единения русских людей разных сословий перед лицом общей беды и общей великой цели была особенно востребована в конфликтных ситуациях, которыми была полна история колонизации Сибири XVII в.⁵ Не исключено, что благодаря распространению исторических повествований в XVII в., многогранно трактующих участие казаков в государственном деле покорения Сибири, казаки психологически оказались готовы в 1671 г. к принятию присяги на верность царской службе, и конфликтные ситуации не воспринимались как неразрешимые.

Важной особенностью Строгановской летописи является широкое включение в поэтику фольклорных элементов. В списке XVIII в. (собрание Толстого, РПБ) использована народная историческая песня о Ермаке. Отступление от главной линии официального летописания, свободное владение материалом, насыщение повествования увлекательной интригой и красочными описаниями говорят об особом ощущении творческого начала, которое было присуще строгановскому региону.

⁴ Подробнее о различии в трактовках образа Ермака памятниками конца XVI—XVII в. см.: Соболева, 2005, 296—317.

⁵ В это время, как выявлено в исследованиях, «интересы вольных переселенцев и представителей государственной власти — служилых людей — не всегда совпадали, но те и другие делали за Уралом общее дело и были, в конечном счете, кровно заинтересованы друг в друге» [История казачества, 1995, I, 39].

О творческом «самостоянии» свидетельствует Кунгурская летопись (Летопись Сибирская краткая Кунгурская)⁶, созданная, как считается, в XVII в. выходцем из казаков, проживавшим в строгановской вотчине [СКиК, 1993, 286—287]. Отличительной особенностью этого самобытного произведения является пронизывающий его дух казацкой вольности. Автор внушает читателю ощущение, что текст является фактографической записью произошедших событий. В летописном жанре появляются моменты хроникальности, автор словно стремится ухватить сиюминутный конфликт и развернуть его перед читателем, создавая иллюзию реального времени. Привлекая собственные воспоминания, автор передает голоса участников похода. Герои, словно драматические персонажи, произносят монологи и диалоги, цель которых — подчеркнуть превосходство атаманов над самими Строгановыми. Это им они приказывают исполнить требования по снабжению казачьего войска без всяких дополнительных условий: «А в поход Ермак на струги дружине своей у Максима взямая с пристрастием, а не вовсе в честь или взаймы, но убить хотеша и жита его разграбить, дом его и при нем живущих разорить вконец, и приступи к Максиму гызом (с угрозами). Максим же увещеваше их Богом и государем... Иван Колцев съ есаулы крикнуша: “О мужик, не знаешь ли, ты тепере мертв, возьмем тя и ростреляем по клоку”...» [Сибирские летописи, 1907, 56].

Главное отличие Кунгурской летописи в том, что ее автор не пытается идеализировать Ермака в соответствии с представлением об официальном герое — ревнителе христианства. Летопись излагает самую нелицеприятную версию о жизни Ермака до похода, где говорится, что в 1577—1578 гг. Ермак разбойничал на Волге. После же «воровского слуха» по всей Руси, что он со своею дружиной пограбил послов, великий государь издал указ: «Где тех воров ни застанет, тут пытать, казнить и вешать». Это заставило Ермака уйти на Урал, где он должен был вести активную завоевательную политику, конкурируя с местными князьями, собиравшими дань в свою пользу. Летопись кратко, но очень точно и емко описывает бои, которые приходилось выдерживать дружине, кровавые развязки, гибель казаков, смерть местных жителей. Повествует автор и о жестоких спартанских нравах в дружине Ермака, показывая, что дисциплина и преданность казаков достигаются крайними, в том числе смертельными, мерами. Свидетельством подлинной дисциплины и высокой организации казачьего войска становятся показательные наказания за преступления сексуального характера. В образах бесстрашных и безжалостных казаков выявлялось чувство чести и даже рыцарского отношения к женщине.

Перед нами качественно новый тип повествования, избавленный от непомерной гиперболизации, выпрєнных речей, государственного патриотизма. Общее впечатление от Кунгурского летописца состоит в том, что текст написан по живым

⁶ Кунгурская летопись сохранилась в составе «Истории Сибирской», написанной и проиллюстрированной в начале XVIII в. тобольским писателем, картографом и строителем Семеном Ульяновичем Ремизовым. Исследователи предполагают, что Ремезов во время своей поездки в Кунгур в 1703 г. приобрел местную летопись, а потом включил ее в свой труд.

и разнообразным впечатлениям, словно автор спешил успеть записать воспоминания, даже не удосуживаясь их упорядочить. Но эта беспорядочность создает эффект присутствия, окружающий мир становится сложным в своем живом многообразии. Сквозь скупые строчки повествования прорывалась иная правда, обусловленная народной точкой зрения на события.

По представлениям исследователей, основой летописи служили устные воспоминания, обобщенные в жанрах преданий, легенд, исторических песен о Ермаке и его походе, а также «отписки» участников похода. Это предопределило своеобразие поэтики текста: социализация конфликта между Строгановыми и казаками, фольклорная гиперболизация в описании снаряжения казаков, фольклорные мотивы в развитии сюжета (атаман и царская дочь), использование топонимических преданий (название озера Банное-Поганое), ярких деталей, говорящих о бытовом укладе Ермаковой дружины, и т. п. [см., например: Лихачев, 1947, 415; Блажес, 2002, 22—23]. Отсутствие в летописи традиционной риторики, событийная доминанта в повествовании вызывали удивление и предвещали новые линии в развитии исторической прозы. Таким образом, литературная окраина оказывалась более свободной по отношению к литературному канону.

Памятники словесного творчества казачества оказалась в сфере внимания книжников села Слудки — «культурного гнезда» из Прикамья [подробнее см.: Соболева, 1991]. Сохранилась рукописная библиотека, состоящая из 30 рукописей XVIII — начала XIX в., в которую входят произведения, связанные с событиями из жизни донских казаков. Одно из них — воинская повесть, появившаяся в XVII в., об азовском «осадном сидении», созданная в казачьей среде на основе художественного осмысления реальных исторических событий 1637—1642 гг. Памятник повествовал об удивительных по дерзости и смелости военных столкновениях казаков с турками. Соотношение сил казаков и противостоящих войск Османской империи было настолько несоизмеримым, что пятилетнее удерживание казачьим войском ключевой для торговых путей Азовской крепости казалось чудом.

В Повести подробно передавались перипетии осады, с военной точностью указывались численность нападавших, национальный состав турецкого войска, типы вооружения и характер военных операций. Сопоставление этих повестей с казачьими войсковыми отписками и документами позволило А. Н. Робинсону прийти к выводу, что не только вся фактическая основа повествования, «но и идейная направленность повестей и основные черты стиля органически связаны с казачьей средой, с письменной традицией канцелярии войска Донского» [Воинские повести, 1949, 176]. При изучении списков произведения А. С. Орлов выделил три типа повествования о событиях в Азове, возникших в различное время, на основании которых различают «историческую», «поэтическую» и «сказочную» редакции повестей об Азове [см.: Орлов, 1906]. Это разделение сохранил Робинсон при публикации текстов в издании «Воинские повести Древней Руси» [Воинские повести..., 1949, 41—114, 165—243, 259—266, 273—283]. Выявленные редакции памятника раскрывают путь превращения текста из историко-хронологического в сказочно-беллетристический.

Повесть об Азовском осадном сидении была хорошо известна в строгановских пределах. Кроме списка из рукописной библиотеки, интересующая нас историческая повесть, написанная Гаврилкой Федоровым Гогуниним из Орла-городка, вплетена в сборник историко-беллетристических повестей, в конце XVII в. написанный в доме священника из Очера Василия Калашникова (РНБ, ОСРК, Q XVII, № 209) [см.: Мудрова, 2000, 176—184].

Пермский список был переписан в 1778 г. Григорием Богдановым [см.: ПОКМ, 11907/ 19, 1778, 1—10], о чем он указал в записи на книге. Сопоставление с опубликованными повестями позволяет сделать вывод, что Пермский список не копирует известные тексты, ближе всего он находится к краткой редакции IV («поэтической») Повести об Азове, которая, как указывает А. Н. Робинсон, сильно отступает от первоначального вида [Воинские повести..., 1949, 265].

Список из крестьянской библиотеки имеет существенные отличия от опубликованного текста. На примере отрывка из речи казаков зримо представлена самостоятельность рукописного текста:

Пермский список

Да вы же еще, смрадные, зовете нас служить ко своему Брагиму // царю турецкому, то как нам оставить пресветлый свет и ступить во тму кромешную [ПОКМ, 11907/ 19. л. 4—4 об.]

«Поэтическая» редакция

Как служить можем ему, царю турецкому неверному, оставя пресветлый здешний свет и будущей? Во тму идти не хотим!

[Воинские повести..., 1949, 69]

В списке сокращены подробности в передаче картины сражений, нет детализированных описаний военных операций, что делает повествование более эпическим и фольклорным: «И стреляли весь день до вечера, тако, что в той великой стрелбе развалилися все азовские степи». Исчезли из текста указания на конкретные даты, а количество врагов описывается со свойственными фольклору преувеличениями: «Да они же, паши и крымской царь, взяли с собою кафимских мужиков, что живут на сей стороне синяго моря многиях тысящи, и м же нету ч и с л а на разорения Азова-города, а в нем нас, казаков, хотяще живых землею засыпать»; «на главах ваших власов столко не будет сколько с пашами сил привалило»; «В день билися от них 20 тысящ, а в ночь другая дватцать тысяч и билися сорок тыячь 14 дней и 14 нощей всегда с переменою. Мы же были одны и вси переранены» (л. 2 об.). В сюжете остались самые яркие эпизоды, драматизирующие действие: нападение турок, переговоры с посланниками царя Браги-ма, описание мужества казаков и выражение их готовности умереть, отказ от предательства, уход в монастырь. Эпический стиль повествования сохраняется и в посланиях казаков. Элементы деловой отписки, свойственные другим редакциям текста, здесь нивелируются. Остается только упоминание в начале произведения о «своеручном писании», которое казаки присылают к царю Михаилу Федоровичу.

В описании взаимоотношений казаков с турками для читателей ценной оставалась интонация насмешки над врагами, выраженная в словах казаков, якобы

согласных «служить» противнику, при этом используются приемы метонимии и иносказания, присущие фольклору. Разговорные обороты речи придают тексту живость и юмористические интонации: «А к вам, гладным, свирепым, днесь и утро и на всяк час, и минуту купно же готовы ноги наши и руки рабски служить над вашими турецкими головами своими острыми саблями... И ныне шед скажи пашам своим, чево им от нас из Азова потребно, или пришли они по наши серые кафтаны, но и тые стануть вам в великую куплю сущее» (л. 4 об.—5).

Существенным свойством текста, придающим ему своеобразие, является выражение удивления перед размахом событий: «...в той великой стрелбе развалилися все азовские степи», необычными деталями в одежде, поведении, названиях и т. п. Например: «У пушек ядра величиною полтора пуда»; «злато блещашися их знамена, яко же зелныя возвратце возсияша крины»; «а на головах у всех платы златые»; «фитили у них, аки свечи горят». Внимание к необычному — одно из свойств народной легенды.

С большим искусством в молитве казаков выражается чувство искренней любви к Отечеству. В нем соединяются преданность русскому государю Михаилу, патриархам и всем православным людям, морям и полям, ставшим для казачества символом вольной жизни. Обильно используются фольклорные постоянные эпитеты после определяемого слова. Среди них отмечается определение казаков «пребедные»: «И сия рекше, начали между собою прощатца, и всем(у) благочестивому роду христианскому последнее целование воздавати: “Во-первыя, царь приветствующе, прости нас, к а з а к о в п р е б е д н ы х , свет государю наш благочестивый князь Михаило Феодоровичь всея России, простите нас; патриархи вселенския, простите; вси православния христиане, простите наш род и племя. Простите вси моря синия, простите поля чистыя, ибо мы, бедныя, умираем в пустынях. Не служат уже белыя руки, не ходят и скорыя ноги, а паче от пороху не можем гортанем здохнути, ниже коем бо слово глаголати. Имеем мы доселе пост и чистоту телесную, ныне же несть уже и тому времени”» (л. 8). В этих прощальных словах выражена оценка казаками защиты Азова не только как общерусского, но как общехристианского дела. Ответственны казаки и перед своим «родом-племенем».

Повесть уподобляет их гибель смерти мучеников за веру, сохранивших «телесную чистоту» в условиях противостояния неверным. Готовность к смерти преобразена в Повести в акт самопожертвования: «И тут мы, бедные, видяще погибель свою и самую смерть скорую, удумали между собою, что лутше нам, казакам, умереть на поле, а не в ямахъ, и помолились бедные Христу-Богу и пречистой Богородице, великому Иоанну Предтечи и чудотворцу Николаю, пошли умерети на поли»; «И потом, совершивше последнее целование меж собою и простившеся, подняли честныя иконы на руке свои и пошли умереть на поли прямым боем» (л. 8 об.). Измена царю трактуется казаками как утрата «пресветлого света» и переход в «тьму кромешную» (л. 4 об.). Традиционно свет как книжный образ христианства, тьма как воплощение язычества используются здесь в необычном патристическом контексте.

В некоторое противоречие со словами готовности принять смерть вступает укоризненное замечание казаков, обращенное к небесным патронам: «Святый великий Предтече Господен Иоанне и Николае Чудотворче, чем мы вас прогневали, грешные, вы нам повелели взять Азов-город? И мы христианских душегубцев разорили, гнездо змеиное искоренили, ныне же вы нас своею благостию не защитивше предаете в руки врагов неверных» (л. 7 об.).

Мужество казаков находит поддержку небесных сил. Мотив чудесной помощи повторяется в пермском списке несколько раз. Среди тех, кто приходит на помощь «азовским сидельцам», «два мужа в белых ризах, в бороде, сединами украшенные, с ними и жена бе в белых ризах». Автор раскрывает от имени казаков их суть: «И мы мнили: быти Иоанна Предтечи и Николая Чудотворца, а жена бе с ними в белых ризах сама Пресвятая Богородица. И они к нам глаголаше, что турки побежали купно и Крымский царь с татары в свою землю, а нас за ними, казаков, посылали, и мы по их божескому велению вышли на бусорманские табары» (л. 9—9 об.). Кроме казаков, турецкие воины видят чудесных помощников — двух молодых юношей, побивающих «множество турок», о которых казаки с гордостью говорят: «Си наши суть воеводы азовския».

Повесть держит читателя в напряжении, показывая несколько побед казаков вопреки неравному соотношению сил. Казаки с гордостью заявляют: «Взяли же мы не якобы фортецею некоею, но своею храбростию и могуществом». Гордость, достоинство и бескорыстие казаков подчеркнуты автором в афористических словах их отказа от предлагаемых турками компенсаций за сдачу Азов-града: «Не дорого нам, казакам, ваше злато и добро, дорога нам слава молодетская» (л. 9 об.). В Пермском списке нет решения государя об отказе в просьбе о помощи азовским защитникам, хотя горькая нота от поражения, несмотря на геройство, у казаков остается.

Пермский текст относит события к прошлому, и в этом он перекликается со «сказочной» редакцией повести. По рассказу казаков из новонайденного списка, они «место Азовское» оставили, пошли на Дон и основали монастырь Иоанна Предтечи и Николая чудотворца, где атамана поставили игуменом. В «поэтической» редакции повести такое завершение событий отнесено к будущему. Завершающий аккорд рассказу придает сообщение о смерти атамана и эпическое величание казакам: «И потом нас, казаков, слава вечная, туркам же укоризна непрестанная» (л. 10). Уход казаков в монастырь в конце жизни был обычным явлением: корпоративное военное братство заменялось святым монашеским союзом [см.: Робинсон, 1948, 56]. Поставление церковных чинов из казачьих рядов — привилегия, которую казаки отстаивали длительное время [см. об этом: История казачества, 1995, I, 63—64]. Основание казаками монастырей по мере их продвижения на восток было хорошо известно уральцам. В 1644 г., например, выходец из служилых Д. И. Мокринский основал Далматовский Успенский монастырь на берегу реки Исети.

Произведение получилось ярким, эмоционально насыщенным; будучи написанным от первого лица множественного числа, повествование сохраняет пафос

мемората, в тексте возникает образ коллективной памяти о событии. Стремительное развитие сюжета, включение в текст монологов, посланий, диалогов казаков и турок держит читателя в напряжении, характерном для новеллы, а наличие элементов чудесного и необычного приближают текст к жанру легенды-видения. Пермский список не останавливается на конкретных образах казаков, их черты сливаются в единое представление о казачестве. Исходя из этого, можно прийти к заключению о характере исторической памяти, свойственной читателям описываемой библиотеки: она ближе к фольклорному восприятию истории, где прошлое измеряется жизнью рода, а в центре внимания — выдающиеся события.

Казачье удайство, безграничная храбрость, образно воплощенные в повести, давали читателю ощущение духовной свободы и независимости. Думается, что этим объясняется популярность казачьей тематики в устном народном творчестве вообще и в уральском фольклоре в частности. Преданность государю, ярко выраженная в фольклорных текстах казачьего «круга» [см.: История казачества, 1995, I, 250—260], служила той демаркационной линией, которая разделяла воинскую смелость и воровскую дерзость. В Повести об Азове разворачивается конфликт между силой, обусловленной мощью турецкого государства, и силой духа, присущей казакам. Победа силы духа, столь ярко продемонстрированная в сюжете, будет иметь дальнейшее продолжение в русской литературе⁷. Вместе с тем перед нами отражение национального самосознания крестьян, их понимания патриотизма.

Приложение

Повесть, как турски царь Брагимь обседаль казаковъ во Азове

(Л. 2) Сидели во Азове городе атаманы-казаки, от турскаго Брагим-царя обсижены. А тех казаков сидело тамо пять тысящ человекъ. И о тоемъ своемъ обоедномъ сидении самодержцу прислали они на Москву ко царю Михаилу Феодоровичю вся Россия своеручное писание, которой и привозил з Дону их же атамановъ Наумъ Васильевичъ с товарищим. А в писме их написано: «Присылах к нам под Азов город Брагим-царь туретский четьрехъ пашей своих из туретскихъ земель и с ними войска десять тысящ, окроме нанятыхъ подкупщиковъ из многихъ земель для вымыслу землянаго. С пашами же еще пришедъ крымской царь со всею ордою. Да они же, паши и крымской царь, взяли с собою кафимскихъ мужиковъ, что живут на сей стороне синяго моря многихъ тысящи, им же нету числа на разорения»

(Л. 2 об.) Азова-города, а в нем нас, казаков, хотяше живыхъ землею засыпать. Еще с ними же пашами пришло из своей кабарды великое войско черкасское, с которыми и пушекъ пришло полковыхъ и ломовыхъ многое число, и у пушекъ ядра величиною полтора пуда. А збирался тот Брагим-царь турской четьре лета, на пятое же лето все то войско пришло под Азов-грод в

⁷ Постигание народного характера привело к открытию в литературной прозе первой четверти XIX в. образов «богатырей духа». Обстоятельства, в которых они действуют, насыщены необыкновенными событиями [см.: Янушкевич, 1992, 27—28].

раней обедь, которым и занята была вся степь азовская, и с высоты города, с конца на конец войску же не бе числа. И тут оный крымский царь и паши пришедше раставили свои шатры и полатки¹ и злато блещашися их знамена, яко же зеленые возвратще возсияша крины. И как уставилися в своих табарах вси чиновне, то начали стрелять из всех же их снаряду, из ломовых пушек, ис полковых, тако же из мелкаго ружья, устрашая и ужаяся во Азове донское войско. И стреляли весь день до вечера, тако что в той великой стрелбе развалилися все азовские степи. А в други день, ставше на первой часу

(Л. 3) дня, начали выступать ис станов своих и пошли ко Азову строем. Шли наперед шесть полковников неметских с неметскими салдаты, а за ними шли головы яныческие. У всякаго головы в поладу янычаны, по нашему — стрельцы, а на головах у всех платы златые. Строй у них был подобен салдатскому строю, у всех пищали туретские з жаграми, и фитили у них, аки свечи, горят. И пришедши ко Азову-городу под самую градскую стену стали строем на ширину. Захватили многие степи азовские, от Дону-реки даже до синяго моря. И прислали к нам, казакам голову яныческаго с таковым доносом, который начал говорить к нам гладкою речью: «О, люди² вы божи, казачество волное, молодечество свирепое, соседи вы ваши ближняя и высокосвирепыя, молодцы избранныя, неполныя ваша гортани, несытыя ваша чрева, не можете вы никогда насытитися. Наступали вы прежде на десницу великую, на Брагима-царя турскаго, взяли вы у него ту(р)ской Азов-город, и в нем искоренили всех воевод и властей и затворили тем Азовым-

(Л. 3 об.) городом все поля чистыя и моря синии. Но да будет вам ведомо: от силнаго вашего царства запасов и выручки не будет, а буде вы послужить похощете нашему Брагиму-царю турскому и в том ему напишите повинные, а в повинных подпишите Азов-город. И Брагим — царь турской всех вас позалует, наложит на вас платы золотые с клеймом туретским, и будет вас чтить многие орды поганыя, святоруския и туретския и индейския и перситския в то, что вы не устрася таких великих сил турских столь малыми людьми дождалися такова великаго войска, пришедшего под Азов-город. А будя, вы, казаки, не отдадите Азова-города, то на часа утро живы не будите, и не токмо утро, но и в нощи сей погибнете на Доне свои оставивше купно и место Азовское, но Азов-город, ибо хотя вас во Азове-городе было б сорок тысяч, но пришло под Азов-город войска, что и сметы нет, на главах ваших власов столко не будет сколько с пашами сил привалило. Коль силен шах — князь кисибатския (?) и шахов людий, но и те

(Л. 4) не могут от наших рук стояти и во садах сидети, а вас во Азове толко сидит пять тысящ человек». Ответ казачьский из Азова к туркам. Отвешают казаки из Азова к туркам: «На боимся мы вашего Брагима-царя турскаго и четырех его пашей, посланных к нам с великою туретскою силою, ибо мы взяли у вас турской Азов-город не коль великою силою, но всего было нас только пять тышящ. Взяли же мы не якобы фортецею некоею, но своєю храбростию и могуществом среди полуденнаго сонца и то ради опыту, что каковое туретское войско и како люди, и ту(т) города укрепление, а что мы ныне в городе сидим, все то вас отведываем, хотя и знакомы ваши турки люди от частого на морях и на полях нам казакам видения, но мы ради лутшаго и болшаго опыту и днесь желаем свидетца. А когда мы у вас взяли Азов-город, тогда мы накормили вас вашими погаными трупами, а после того уповает, что вы не ведали. Ныне, конечно, вашими же паки трупами мы вас же сами желаем накормить. Да вы же еще, смрадныя, зовете нас служить ко своему Брагиму —

(Л. 4 об.) царю турскому, то как нам оставить пресветлый свет и ступить во тму кромешную. А к вам, гладным, свирепым, днесь и утро и на всяк час, и минуту купно же готовы ноги

¹ Испр., в рук.: *платки*.

² Испр., в рук.: *следи*.

наши и руки рабски служить над вашими турецкими головами своими острыми саблями. Да вы же еще устрашаете нас, чтобы силнаго же нашего государства московскаго выручки к нам с Москвы запасов не ходит, но кормит нас и питает небесный царь своею милостию и благодатию, ибо мы, казаки, не орем, ни сеем, ни же в житницы собираем, кормимся мы зверми полскими и рыбы морскими, а ежели будет золото или серебро потребно, то у вас за морями взываем. Мы же, казаки, не шаха³ князя кисидатского люди, оныя бо вы живых землю засыпали и днесь засыпаете, а нас во Азове, хотя пять тысяч обретаецца, но велики божи(й) промыслъ непрестанное о нас попечение имать, не боимся мы и безчисленных ваших сил сущих с четырьмя пашами, дадим мы вам про себя знать и ведать во вся ваши страны басурманские. И ныне шед скажи пашам своим, чево им от нас из Азова

(Л. 5) потребно, или пришли они по наши серые кафтаны, но и тые стануть вам в великую куплю сущее. А так как сведает на Дону казачество и придет на взыскание наших голов молодетских, то правду речемъ, что не обрести вам на скрытию и в татарских ваших странах места. И днесь повторительно глаголемъ, шед возвести пашамъ своимъ, что мы вам Азова никакo же хошем отдать и чтобы не изнуряли времени всеу пошли до свою землю бусорманскую». И как отшел голова от Азова и пришел к пашам своим в табары, сказал оныя казаков речи, которыя выслушал. Турки же в тотъ час велели всему своему воину на приступ готовитца ко Азову-городу. И вси вышедъ из станов своих, ставше на поле строем, пошли наперед шесть полковников неметских с неметскими салдаты и с лесницами, а за ними шла вся орда, кафитинския⁴ мужики на взятие Азова-города. А идучи у них

(Л. 5 об.) началась стрельба во всем войске, и от той стрельбы великая явилась гроза нестерпимая, так что нам казаком нам из Азова не токмо выйти и посмотреть неудобно. И пришел под самую стену⁵, (на)чали ко стенам лестницы приста(влять), по стенам колотить... Донское Войско. В городе (Азове)⁶ поднялся тот великой дым кверху и у нас своя особная стрельба. Были у нас (в не)приступном месте 20 пушек набитых (порохом) и тако мы начали стреляти, то Бога (нашего)⁷ силнаго помощию убили 30-шесть оных пришедствующих полковников неметских и с салдаты неметскими, да убили у них 34 голов яныческих со всем янычаны и потом, вышед в навывласку, взяли у них перваго болшаго паша, да большее их знамя туретское с клеймом туретским. И тот мы день с ними билися. И едва они отбилися. На ноцночно(м) часу турки пошли в табары свои и ночь всю смечали, много ли у них войска побито.

(Л. 6) А побито войска турскаго, опричь кафитских мужиков, пометы нет. На утрие ж турки прислали к нам толмачев своих, чтоб испросить мертвыя телеса, а которых испросили азовское давали за снятую голову тому, а за начальника же люди по двенадцати золотых, а за пашу давали, что он потянет злата. И молодцы им отказали, рекше: «Мы мертвыя тела никогда не продаем, ниже днесь продати имеему. Вы же, аще хошете, берите их даром, и знайте, что вашъ из Азова первая есть игрушка, мы лучше молодцы ружья почистим... Не дорого нам, казакам, ваше золото и добро, дорога нам слава молодетская. Дадим мы казаки про себе знать и ведать во вся стран ваша агтуския». Потом они, турки, со всем войском копали гору высокую свыше Азова-города, хотяще тою горою засыпать Азов-город, а в нем и нас живых уморити. И тут мы, бедные, видяще погибель свою

(Л. 6 об.) и самую смерть скорую, удумали между собою, что лутше нам, казакам, умереть на поле, а не в ямахъ, и помолились бедные Христу-Богу и пречистой Богородице, великому

³ Испр., в рук.: *шаха*.

⁴ Испр., в рук.: *лафитинския*.

⁵ В рукописи отрывок дефектный, часть текста утрачена.

⁶ В рукописи отсутствует.

⁷ В рукописи не читается.

Иоанну Предтечи и чудотворцу Николаю пошли умерети на поли. И вышедши к туркам на гору тую высокую вси закрычали единогласно: «С нами Бог, разумеет языцы и покоритесь, яко с нами Бог». И турки, услышавъ тое слово, из усть нашихъ ишедшее, вси закрычавше, бежали от горы тоя вскоре. И на том мы побеге побили у них многия тысящи, да взяли у них сорок бочек пороху, да шестнадцать знамен пехотных. И тые бочки, подкатив под высокую гору, зажгли гору ту, бросили на табары и потом, поворотя, пошли во Азов-город, видяще над собою являющую твоя милость божию. После же видяще турки и вылящленики их, что мы у них землю... премудрости отняли еще стали

(Л. 7) думать, как бы им нас в Азова живых подавити, начали другую гору вести. И в третий день привели выше Азова-города, на которой поставили все ружья, снаряды и ломовые пушки. И все стали купно, и вся стала орда и начали стрелять из всего снаряду по Азову-городу. И стреляли на оном же приступном мести 12 дней, так что разбили всю стену азовскую⁸ до подошвы, толко осталась одна церковь Николая Чудотворца. А мы в то время поделали добры земляная и подкопы в поля и отводныя. После же, хотяше нам турка отдых дать, начали приступать рядом, мысляше нас, казаков, прямым боем взять. В день билися от них 20 тысящ, а в ночь другая дватцать тысящ и билися сорок тыяч 14 дней и 14 ночей всегда с переменою. Мы же были

(Л. 7 об.) одни и вси переранены. И тут мы, бедныя суще, в малои собрани купно же, видяще над собою смерть непременную, притекли со слезами и стали умилно просить и молить, глаголюще: «Святыи великий Предтече Господен Иоанне и Николае Чудотворче, чем мы вас прогневали, грешныя, вы нам повелели взять Азов-город? И мы христианских душегубцев разорили, гнездо змеинное искоренили, ныне же вы нас своєю благостию не защитивше предаете в руки врагов неверных». И сия рекше, начали между собою прощатца, и всему благочестивому роду христианскому последнее целование воздавати: «Во-первыя, царь приветствующе, прости нас, казаков пребедных, свет государю наш благочестивый князь Михаило Феодоровичь

(Л. 8) всяя России, простите нас, патриархи вселенския, простите, вси православния християне, простите наш род и племя. Простите вси моря синия, простите поля чистыя, ибо мы, бедныя, умираем в пустынях. Не служат уже белыя руки, не ходят и скорыя ноги, а паче от пороху не можем гортанем здохнути, ниже коем бо слово глаголати. Имеем мы доселе пост и чистоту телесную, ныне же несть уже и тому времени». В то же самое время спрашивали у нас турки, что глаголют: «И какова у вас во время брани выезжают два юноши младыя и побивают у нас множество турок, биюще и секуще на полы?» И мы им то отвещали, что си наши суть воеводы азовския. Видели же еще многи от нас на первой приступе и Предотечева образа слезы текуще и мыслили,

(Л. 8 об.) что сие нам есть милость Господня и заступление его угодника святаго Иоанна Предтечи. И потом, совершивше последнее целование меж собою и простившеся, подняли честныя иконы на руце свои и пошли умереть на поли прямым боем. И едва толко вышли из Азова на турок, абие увидевше нас оны басурмана от горы той дались быстрому побегу, мы же, гоняся за ними, побегли многия тысящи и побили. Потом, поворотя, пошли во Азов-город, видяще над собою являющуюся милость божию. После же того турки к нам не бывали на приступ три дни. И в то время мы, бедныя, вздохнули от того великаго труда. В четвертый же день прислали к нам турки свои толмачев, и толмачи, пришедше, начали звать нас на зговор, но мы еще не от бывшего труда отдохнули, не могли с ними советовать. И то видяще они начали писать ярлыки на стрелах, к нам кидати в город, а в ярлыках же просили они, чтобы мы, казаки, приняли у них на каждого молодца триста золотых, чтобы отдали им

⁸ Испр., в рук.: *азовское*.

(Л. 9) Азовское место, а мы, казаки, со всем животом на свой Дон живы отошли. Мы, казаки о том им отказали, рекше: «Не дорого нам, казакам, ваше серебро и золото, дорога нам молодетская слава. Дадим мы и еще вам знать и ведать во вся ваши страны бусорманския не на то мы во Азове сели, чтобы вам отдати сие место Азовское. И впредь не приходите ко Азову, вси бо вы от нас побиены будете». И с тем от нас толмачи поехали во свои таборы, и потом неколику пришедши времени видели мы, казаки, явившуюся два мужа в белых ризах, в бороде, сединами украшенные, с ними и жена бе в белых ризах. И мы мнили: быти Иоанна Предтечи и Николая Чудотворца, а жена бе с ними в белых ризах сама Пресвятая Богородица. И они к нам плаголаше, что турки побежали купно и Крымский царь с татары в свою землю, а нас за ними, казаков, посылали, и мы по их божескому велению

(Л. 9 об.) вышли на бусорманские табары. Турки же, видяше нас, побежали многоразличными дорогами, и мы на том их побеге побили многие тысячи, а иныя в полон взяли, привели их во Азов-город, отчего их орда и крымсий царь побегал с татары. И что нам сказали, рекоша: «От силнаго нашего Московкаго царства востали великия тучи и вышли два младыя юноши, и те юноши с нами билися под Азовом, и с ними же и вся небесная сила спомоществовали, отчего многи полки наши весма устрашишеса. Размыслили меж собою, чтоб не были вси побиены, не будем побежать во орду свою поспешительне». Всех же было приступов по Азовом-городом девяносто. Турки стояли шесть лет, нас же осталцов, бедных молодцов, осталосья полчетверти тысящу, и те все переранены, убито из них полторы (Л. 10) тысячи. И взяли мы образ Иоанна Предтеча и Николая Чудотворца, и место Азовское остави, пошли на Дон свой, и тако облекши вси в монашеский образ построили обитель Иоанна Предтечи и Николая Чудотворца. Атамана поставили игуменом, и он у нас умер. И потом нас, казаков, слава вечная, туркам же укоризна непрестанная. И государь наш самодержавнейший и великий князь Михайло Феодорович благоизволил о сем ведать, нас же удалцов молодцов, донских казаков вси православные вечным допоминают поминовением⁹. Конец и венец. Богу нашему слава и держава во веки веков. Аминь.

[ПОКМ, 11907 / 19, л. 2—10]

Блажес В. В. Фольклор Урала: Народная история о Ермаке. Екатеринбург, 2002.

Введенский А. А. Дом Строгановых в XVI—XVII веках. М., 1962.

Воинские повести Древней Руси / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1949.

Горюшкин Л. М., Миненко Н. А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI — начало XX в.). Новосибирск, 1984.

Дворецкая Н. А. Официальная и фольклорная оценка похода Ермака в XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 330—334.

История казачества Азиатской России: В 3 т. Т. 1. Екатеринбург, 1995.

Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.

Маркедонов С. М. Автономное общество в России: первый исторический опыт: «Вольное» казачество против Московского государства в XVI—XVII вв. // *Общественные науки и современность.* 2004. № 2.

Небольсин П. И. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул // *Отечественные записки.* 1840. Т. 64, № 5 — 6.

Орлов А. С. Исторические и поэтические повести об Азове (взятие 1637 г. и осадное сидение 1641 г.): Тексты. Ч. 2. М., 1906.

Робинсон А. Н. Поэтическая повесть об Азове и политическая борьба донских казаков в 1642 г. // ТОДРЛ. Т. 6. М.; Л., 1948.

⁹ Испр., в рук.: *попоминовением.*

Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 1—104.

Соболева Л. С. Рукописная библиотека строгановских крестьян XVIII—XIX в. // Книга в культуре Урала XVI—XIX вв. Свердловск, 1991. С. 61—88.

Соболева Л. С. «Государев атаман» Ермак Тимофеевич: векторы идеализации // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI—XX вв. Новосибирск, 2005. С. 296—317.

Янушкевич А. С. Русский прозаический цикл 1820—1830-х годов как «форма времени» // Исторические пути и формы художественной циклизации в поэзии и прозе. Кемерово, 1992.

Е. Е. Приказчикова

**КУЛЬТУРНАЯ МИФОЛОГИЯ МАСОНСТВА
В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ СОЗНАНИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.:
В ПОИСКАХ ОБРАЗА «ЧУЖОГО»**

С 60-х гг. XVIII в. в русской литературе начинается общая перестройка представлений о мире, когда «геометрический, стройно организованный иерархический мир» начинает «распадаться» [Билинскис, 1979, 25]. Атропоцентричность эпохи высокого Просвещения приводит к тому, что человек «в любом отдельном и конкретном случае мог оказаться естественным центром, вокруг которого призваны группироваться те или иные факты культуры» [Там же].

К этому времени русская культура перестает быть «культурой единого текста», текста сакрального и образцового, но превращается, по мнению Н. Хренова и К. Соколова, в «культуру различных грамматик» [Хренов, Соколов, 2001] в зависимости от существования множества различных субкультур. Возникает то, что Ю. Лотман характеризует как «культурное многоязычие» [Лотман, 1996, 139]. Подобный «плюрализм картин мира» не мог не превратиться в поле ожесточенной культурно-идеологической, литературной и даже политической борьбы. Эта борьба находит свое отражение в литературных текстах эпохи, приведя к появлению так называемой культурной мифологии «чужого», связанной во многом с поиском «образа врага», с которым и следовало бороться литературными методами.

Наиболее интересным явлением, связанным с формированием культурной мифологии «чужого», является культурная мифология масонства и сама традиция восприятия масонства как культурно-исторического феномена в русском дворянском обществе эпохи Просвещения. С одной стороны, нельзя не обратить внимания на то, что совлечение «ветхого Адама» и «возрождение» Богочеловека вовлекло в масонскую культуру лучших представителей русской литературной интеллигенции XVIII столетия. К масонству оказываются причастными А. Сумароков и М. Херасков, И. Богданович и В. Левшин, Н. Карамзин и А. Радищев, И. Елагин и А. Ржевский, И. Лопухин и Н. Новиков.